

**СТРАНА, ОПРОКИНУТАЯ В ПРОШЛОЕ?  
ПОЧЕМУ ОБЩЕСТВО ОБРАЩАЕТСЯ К  
БЕЛЛЕТРИСТИКЕ  
И «МОБИЛИЗУЕТ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»?**\*

---

*Аннотация:* В статье анализируются тенденции развития гуманитарного знания в России в начале XXI века. Автор считает главной тенденцией серьезный методологический кризис истории как науки, порожденный эпохой постмодерна и другими культурными тенденциями эпохи. Результатом стало умаление роли истории как науки и повышение роли истории как культурной практики. Это проявляется в беллетризации исторического знания и способов его трансляции. Одним из аспектов развития современной культуры оказывается феномен «мобилизации средневековья» — отказ от научных прогнозов, утрата историей своей сотериологической функции, и обращение к наиболее мифологизированным страницам прошлого как источнику культурных и художественных образов, востребованных современным обществом.

*Ключевые слова:* постмодернистский вызов, беллетризация, методология истории, историческая память.

*Об авторе:* Филюшкин Александр Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета. [a.filushkin@spbu.ru](mailto:a.filushkin@spbu.ru)

---

---

\* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект 16–18–10080 «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время». (The investigation was supported by the Russian Scientific Fond, project 16-18-10080).

Проблема «История и беллетристика» тесно связана с теми кризисными процессами, которые сегодня развиваются в сфере гуманитарного знания. Она является отражением ситуации, которая сложилась в начале XXI в. для истории как научной дисциплины. По выражению Д. Харлана, наступил затяжной *эпистемологический кризис*, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени» [21:881]. По словам Г. Спигель, «должны ли мы поверить в то, что наше представление о прошлом не более чем иллюзорно-реалистические полотна, «познаваемая ложь», которой мы пичкаем себя и других, чтобы скрыть свой страх перед тем, что за этими полотнами может таиться непознаваемая правда человеческого опыта, не поддающаяся никаким попыткам постигнуть ее с помощью наших словесных построений?» [12:213-214].

Как неоднократно отмечалось исследователями, история утратила статус «науки о будущем». Она всегда носила своего рода сотериологический характер, выводила будущее из прошлого. По словам М. А. Бойцова, начиная с европейского средневековья «История показывала обществу дорогу к спасению» [1:18-19]. Причем целью было обосновать «прекрасное далеко», будь то Царствие Небесное, коммунизм или либеральная демократия. Сегодня очевидно, что прекрасного будущего не будет, а в мире правят тенденции, не поддающиеся прогнозам исторической науки. Как прогнозисты историки оказались слабыми. Но это означает, что история перестала давать надежду на будущее. Статус историков как носителей этой надежды резко уменьшился.

Заметим, что в нашем обществе сегодня почти не обсуждается «светлое будущее», о грядущем принято говорить либо в неопределенных, либо в негативных красках и тонах. Отсюда и феномен, который мы наблюдаем и о котором также неоднократно говорили политологи: уход в прошлое, «мобилизация средневековья» как основы настоящего. Легитимизацию современного состояния страны, ценностных установок, мотивации

поведения исторических деятелей ищут в прошлом, а не в стремлении к построению будущего (как, казалось бы, должно быть). История все больше становится не средством познания, а оправдательной практикой, искусством забывания неприятного, средством борьбы с травматической памятью.

Еще одной тенденцией, которая также ослабляет сегодня статус истории как науки, является инфляция публикаций. Любому человеку стала доступна возможность публикации своего текста в Интернете. Он в значительной степени стирает грани между научным и ненаучным текстом. Электронная публикация легко перекрывает мизерные тиражи научных изданий. Читатель часто не видит разницы, для него истиной выступает текст, который доступнее, ярче, увлекательней, легче постигается.

Даже если мы будем не принимать в расчет псевдонаучные публикации – среди научных публикаций ситуация не лучше. Они погребены в потоке сотен и тысяч статей. В электронной библиотеке E-library на март 2017 г. было зарегистрировано 607 журналов и периодических изданий по историческим наукам. Приняв условную цифру, что каждый из них выходит 4 раза в год (кто-то реже, кто-то и все 12 раз в год), получаем не менее 2428 выпусков журналов в год. В среднем в одном выпуске 15 статей — получается совершенно невозможная цифра в 36420 статей по истории в год! А ведь при этом не подсчитаны научные сборники, которых выходит больше, чем журналов, тезисы конференций и монографии! На запрос, сделанный 10 марта 2017 г., сайт E-library выдал информацию, что в его базе по исторической тематике зарегистрированы 427 493 статьи (причем с 2015 г. их число выросло на 87 060 (с 340 433 статей)) [16:269-270]. Комментарии, как говорится, излишни. И ведь здесь учтена только малая часть научных сборников, а также исторических журналов, выходящих за рубежом... Эта масса статей не поддается научной обработке и совершенно непродуктивна.

В результате кризисных процессов статус истории умалается. Баланс характерного для истории дуализма: «История – это гуманитарная наука» и «История – это культурная практика» все

больше смещается в сторону культурной практики. Причинами этого является урон репутации историческому знанию, прине-сенный «постмодернистским вызовом» и «лингвистическим по-воротом» [18; 19; 20: 149-152; 22:54-70; 23; 24: 277-303; 25; 26:263-274], разочарование в роли историков как носителей истины и надежды на будущее, а также явная востребованность в идеологической, политической, национальной сферах общественной жизни исторических мифологий и исторического кон-структивизма. На этом фоне по степени воздействия на умы на первый план выходит беллетристика, которая для читателя ока-зывается эффективнее науки.

С каждым годом возрастает роль истории как средства развлечения. История востребована обществом как источник интересного и увлекательного повествования, как сюжет для фильмов, приключенческих книг, забавных картинок и т.д. Се-риалы, компьютерные игры, стремительный рост популярности исторических реконструкций, шоу на исторические темы, ко-миксы, антиквариат, ролевые игры, архитектурные новоделы, славянское фэнтези, историческая беллетристика – в основе всего этого так или иначе лежит историческое знание. Только сегодня этот побочный продукт истории как культурной практики начина-ет подменять собой собственно историческое знание.

Все эти тенденции отнюдь не безобидны, потому что, как уже отмечалось исследователями, есть большой риск превраще-ния истории как науки во что-то элитарное и редкое, но совер-шенно невостребованное в современном мире (как папирология или ассириология) [2:96-108]. Беллетризация истории явно одер-живает верх в современном обществе, но проблема в том, что ее носителями нередко выступают люди, не имеющие даже исто-рического образования. Что еще больше ослабляет позиции ис-торической науки.

В этом плане интересен вопрос — а к каким сюжетам об-ращается беллетризация? И вот здесь мы видим картину: она происходит там, где утрачивает свои позиции наука. Проиллю-стрируем развитие этой тенденции на примере истории Древней

Руси. Распад СССР привел к кризису в освещении древнерусского периода истории. В украинской историографии делаются попытки отказать России в праве на Киевскую Русь. Российская история, исходя из этой концепции, начинается с XII в., на территории Северо-Восточной Руси. Предпринимаются довольно успешные шаги по деконструкции существующей историографической картины Древней Руси, причем с научной точки зрения иной раз весьма аргументированные. Как пример можно привести критику адекватности исторической реальности основополагающих источников – Правды Русской [14], ПВЛ [3; 4; рецензии: 6:152-157; 9:403-434], «Истории Российской» В.Н. Татищева [13], «Слова о полку Игореве» (актуализация исследования А.А. Зимина [8]) и т.д.). Поставлены под сомнение многие когда-то влиятельные теории (в частности, убедительно раскритикована концепция «древнерусской народности» [17]). В последней монографии А.П. Толочко пересматривается вообще вся история Древней Руси, по сути, ставится крест на всей предшествующей историографии [15]. Попытки в последние годы предложить не деконструирующие, а альтернативные концепции (вроде «городов-государств» А.Ю. Дворниченко и И.Я. Фроянова) [5] всеобщего историографического признания не получили. Конвенциональные оценки древнерусской истории сегодня присутствуют только применительно к отдельным сюжетам (например, исследования «истории повседневности» В. В. Долгова [7], отдельные работы по частным вопросам А.А. Горского, П.С. Стефановича, П.В. Лукина, А.В. Назаренко и др.).

Но в целом исторические представления о Древней Руси переживают противоречивый период. Главное – под сомнение поставлены основополагающие элементы: Правда Русская и Повесть временных лет, с изъятием которых «повисает в воздухе» вся историография Киевской Руси, сама трактовка Киевской Руси как особого периода общей для восточных славян истории и т.д.

Мало того, благодаря развитию национальных историографий в Украине и Белоруссии происходит, по удачному вы-

ражению белорусского историка А. Мартынюка [10, в печати], великий историографический раскол» славянского мира. Скоро историки этих стран и России будут говорить совершенно на разных языках. Иначе говоря, поколение исследователей, воспитанное на Ключевском и Данилевском, не будет воспринимать построения историков, выросших на Ловмянском, Грушевском и Прицаке — и наоборот.

Вопреки всей этой деконструкции в беллетристике и *public history* происходит самое продуктивное конструирование, причем средневековье вовсе не оказывается «зоной историографической нестабильности» — напротив, оно мобилизуется для подкрепления современных образов и ценностей. Так много русского средневековья в культуре и общественной жизни не было никогда. В постсоветскую эпоху произошла очередная смена ориентиров. При этом произошло разочарование в поиске в истории признаков великого будущего. Россия стала сегодня «страной, опрокинутой в прошлое»: в обществе практически полностью отсутствует дискурс будущего (кроме апокалиптических сценариев гибели, развала, ядерной войны с Америкой и т.д.). За вычетом негативных прогнозов обсуждение позитивных сценариев будущего России практически отсутствует (причем это сказывается и в литературе, и в фантастике, и в кино).

Отсюда и рост интереса к средневековью, к происхождению, к самым основам, в которых начинают искать что-то неизблемое и вечное. В России с 2000-х гг. массово ставят памятники князьям, царям, событиям далекого прошлого. В качестве символа русской государственности, древности и неизблемости русской культуры по всей стране в 1990–2000-е гг. ставятся памятники Кириллу и Мефодию (Москва, Мурманск, Ханты-Мансийск, Сыктывкар, Брянск, Коломна, Дмитров, Владивосток, Черкесск, Кронштадт, Курск, Смоленск, Самара, Саратов, Екатеринбург, Белгород, Тверь, Астрахань, Севастополь, Йошкар-Ола, Саранск); Илье Муромцу (Муром, Екатеринбург, Ижевск, Владивосток), Князю Владимиру Крестителю (Белгород, Владимир, Москва, Новочебоксарск, Санкт-Петербург, Ту-

ла, Севастополь, Херсонес, Астрахань, Батайск, Смоленск, Калининград и т.д.). Нетрудно заметить, что большинство этих пунктов к реальным героям древнерусской истории не имеют и не могут иметь отношения. Но они маркируют современное пространство, именно они отвечают запросам времени (по одному из проектов, огромную статую Ильи Муромца планировалось поставить на острове при входе во Владивостокскую гавань на манер Статуи Свободы в США). Чтобы богатырь с мечом встречал заморских гостей...

Причем к средневековым обращаются сферы, казалось бы, от него безнадежно далекие. Святославу Игоревичу посвящен музыкальный альбом «За солнцем вслед» (2006) паган-метал-группы Butterfly Temple. Группы «Иван-царевич» и украинская паган-метал-группа Dub Vuk выпустили альбомы с одинаковым названием – «Иду на вы!». Альбомы посвящены победе Святослава над Хазарским каганатом. Образ Святослава используется в песне «Ранним утром» группы «Калинов Мост». Группа «Репродукция» посвятила песню гибели князя под названием «Погибель Святослава». Также паган-метал-группа Pagan Reign посвятила образу Святослава песню «Былина о Святославе».

В советскую эпоху обращение к средневековым сюжетам было формой тихого протеста против советского официоза. Сегодня обращение к ним остается формой ухода от политических баталий и дрызг, что особенно актуально при общем разочаровании в политике и атрофировании интереса в обществе к политической жизни.

На медиевализацию современного восприятия истории сильное влияние оказывают реконструкторское движение, где средневековая тематика всегда играла ведущую роль, и популярный литературный жанр фэнтези — действия и саги Толкиена, и «Игры престолов» разворачивается в средневековом контексте. Возникло даже понятие «славянского фэнтези» (М. Семенова с ее «Волкодавом» и др.). Снискавшие популярность мультфильмы компании «Мельница» про трех богатырей и древнем Киеве — из этой же серии. Одна из интенсивно разви-

вающихся сегодня функций истории — развлекательная, и средневековые здесь прекрасно подходит, лучше чем многие другие эпохи. Игровой характер воспроизведения знания о средневековье (реконструкторские фестивали, музейные интерактивные площадки, архитектурные новоделы, компьютерные игры) облегчает распространение его образа в массах.

Средневековье в общественном сознании идеально сочетает сказку и быль, развлечение и науку, деполитизированность и национальную чистоту. История сегодня перестала быть наукой о будущем, и все больше превращается в терапевтическую науку — спасение от комплексов исторической и национальной неполноценности. В героических мифах прошлого (чем древнее, тем лучше) ищут спасение от мерзостей современности. История сегодня дает надежду, что «мир не всегда был таким безнадежным», и эта надежда спасает в мире, где человечество убедилось в невозможности построения светлого будущего, неважно, коммунизма или демократии. Отсюда и обращение как реализация потребности в красивой сказке, а средневековье — это прежде всего красивая сказка, которая даже не отрицает своего сказочного характера (дискуссии как «спор о панфиловцах» здесь невозможны, потому что мифологический характер знаний о седой старине никем не отрицается).

Идеалы государственности и славянского единства, которые раньше доказывались в историографии, а теперь отрицаются и деконструируются, ушли в беллетристику. Выходит множество книг (разной степени художественного достоинства), в которых излагаются идеи, в которых усомнились историки. Как пример приведем аннотацию к роману В. Седугина «Князя Русс, Лех и Чех: славянское братство»: «Исторический боевик об истоках Руси и легендарном прошлом нашего народа, когда единый славянский этнос еще не распался на соперничающие нации, а кровное родство не было омрачено "братским спором славян между собою". III век нашей эры. Три брата-славянина Русс, Чех и Лех служат в римских легионах на Дунае, защищая границы Империи от нашествия вандалов. Но притеснения и

мздоимство римского наместника заставляют славянские центурии восстать против неправды и уйти из-под власти Вечного города в родные края, чтобы создать собственные государства. Братьям предстоит пройти с боями пол-Европы, совершив легендарные подвиги и объединив враждующие племена в могучие народы. Они заложат основы великих славянских держав — Руси, Чехии и Польши, которые будут процветать через многие столетия после того, как Римская империя обратится в прах!»<sup>1</sup>. Вряд ли нужно комментировать этот текст, вобравший в себя множество утраченных идеалов и разрушенных надежд последних лет.

Названия художественных сочинений говорят сами за себя: «Быть войне: русы против гуннов», «Распятая Русь: предания Велесовой книги», «Непобедимые скифы: подвиги наших предков», «Славянский викинг Рюрик: кровь героев» и т.д. Вся та мифология, от которой уходит историография (вроде «скифов-пахарей» как предков Руси Б.А. Рыбакова), оказывается живучей и востребованной обществом в беллетристике и других проявлениях социального заказа. Нашумевший фильм «Викинг», вслед за которым ждем боевик «Вещий Олег» (который в анонсе называется «древнерусской «Игрой престолов»)<sup>2</sup> и готовящийся сериал «Золотая Орда»<sup>3</sup> — проявление той же тенденции.

Таким образом, ситуация сегодня выглядит достаточно парадоксальной: долгое время историография рождала мифы, и когда эти мифы стали развенчивать и деконструировать — они обнаружили немалую степень резистентности, причем в массовой культуре. На фоне явного кризиса исторической науки, которая плохо справляется с объективными вызовами современности, мы наблюдаем расцвет беллетристики и public history, которые обращаются к образам прошлого и успешно используют инструмент «мобилизации средневековья» для достижения своих идеологических целей и реализации культурных установок.

---

<sup>1</sup> [https://vk.com/photo-120361613\\_409432080](https://vk.com/photo-120361613_409432080)

<sup>2</sup> <https://afisha.mail.ru/cinema/articles/48264/>

<sup>3</sup> [https://afisha.mail.ru/series/articles/48268/?from=mr\\_news](https://afisha.mail.ru/series/articles/48268/?from=mr_news)

Если ученым-историкам в обществе сегодня принято мало доверять (сказываются разоблачения историков как «прислужников власти» в советскую эпоху), то вышеописанный ширпотреб находит множество потребителей.

#### *Литература*

1. *Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. С. 17-41.
2. *Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 15-41.
3. *Вилкул Т.П.* "Людые" и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007. Киев, 2007. 387 с.
4. *Вилкул Т.П.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. 408 с.
5. *Дворниченко А.Ю., Фроянов И.Я.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 267 с.
6. *Дворниченко А.Ю.* «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели...»: о книге Т. Л. Вилкул «Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.» (М.: Квадрига, 2009. 408 с.) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2: История. № 4. 2011. С. 152-157.
7. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. М., 2007. 510 с.
8. *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. М., 2006. 513 с.
9. *Лукин П.В.* Деконструкция деконструкции (О книге Т.Л. Вилкул по истории древнерусского веча) // Scrinium. Т. 4: Patrologia Pacifica. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29 – October 1, 2006) and other patristic studies / Edited by V. Baranov and B. Lourié (2008). Санкт-Петербург. 2008. С. 403-434.
10. *Мартынюк А.В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: проблема и поиски путей ее ре-

- шения // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1 (в печати).
11. *Мусин А.* После прочтения новых книг: об «Очерках начальной Руси», составленных Алексеем Петровичем Толочко // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2016. Вип. 10: Святий Володимир Великий 1015–2015. С. 242–257.
  12. *Спигел Г.* К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // *Одиссей*. 1995. М., 1995. С. 211–220.
  13. *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. 543 с.
  14. *Толочко А.П.* Критика и редакции Правды Русской: Происхождение текста. Киев, 2009. 136 с.
  15. *Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015. 333 с.
  16. *Филюшкин А.И.* Российские исторические журналы в WoS и Scopus: проблемы цитирования // Научное издание международного уровня-2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций. 5-я Международная научно-практическая конференция. 17-20 мая 2016 г. РАНХиГС, г. Москва. Материалы конференции. Екатеринбург, 2016. С. 269–282.
  17. *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ти – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. 546 с.
  18. *Ankersmit F.* Narrative Logic: A semantic analysis of the Historian Language. Nijhoff, 1983. 265 p.
  19. *Ankersmit F.* The Reality Effect in the Writing of History: the Dynamics of Historiographical topology. Amsterdam, New York, 1989. 37 p.
  20. *Ankersmit F.* Historiography and Postmodernism // *History and Theory*. 1989. Vol. 28. P. 149–152.

21. *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // *American Historical Review*. 1989. Vol. 94. No 3. P. 581-609.
22. *Louch A.* History as Narrative // *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No 1. P. 54-70.
23. *White H.* *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. London; Baltimore, 1973. 448 p.
24. *White H.* The Historical Text as Literary Artifact // *Clio*. 1974. Vol. 3. No. 3. P. 277-303.
25. *White H.* *The Content of Form: Narrative Discourse and Historical Imagination*. Baltimore, 1990. 244 p.
26. *Zagorin Cf.* *Historiography and Postmodernism: Recon- siderations* // *History and Theory*. 1990. Vol. 28. No 3. P. 263-274.